

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие

English version: [Belinskaya E.P. Informational socialization in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются особенности пользования социальными сетями Интернета в подростковом и юношеском возрасте; анализируются социально-психологические следствия подобной коммуникации и их содержательное влияние на процесс подростковой социализации в целом. Представлены результаты эмпирического исследования, ставящего своей целью изучение взаимосвязи параметров психологического благополучия и опыта коммуникации в социальных сетях. Отмечается, что активное включение современных подростков в информационное пространство нивелирует часть традиционных особенностей социализации данного возраста, а также слабо связано с параметрами психологического благополучия; исключение составляют переживание одиночества и качественные характеристики коммуникации.

Ключевые слова: информационная социализация, новые информационные технологии, интернет-коммуникация, социальные сети, психологическое благополучие личности

Новые информационные технологии, являясь сегодня одним из важнейших факторов экономического, политического и социального развития мира, несомненно, «встраиваются» и в процесс социализации личности. Именно они трансформируют все информационное пространство современного человека, принципиально преобразуя роль средств массовой коммуникации как агентов социализации. И потому представляется закономерным все большее распространение в современном научном дискурсе термина «информационная социализация» [Авдулова, 2011; Голубева, Марцинковская, 2011; Марцинковская, 2011], что задает преимущественно социально-психологический ракурс анализа проблемы.

Подчеркнем, что подобный ракурс был обозначен фактически еще в самом начале исследований психологических особенностей взаимодействия и коммуникации посредством новых информационных технологий [см., например: Бабаева, Войскунский, Смылова, 2000; Белинская, Жичкина, 2000; Белинская, 2002]. Однако он и сегодня продолжает доминировать – прежде всего, в силу противоречивости и неоднозначности полученных за текущее десятилетие данных об особенностях и следствиях интернет-коммуникации. При этом собственно теоретическое обоснование преимущественного изучения именно параметров коммуникации в процессе информационной социализации не подлежит уже никакому сомнению. Звучавший когда-то спорно известный тезис Э.Тоффлера о том, что не только и не столько информация, сколько специфическая коммуникация станет смыслообразующим стержнем новой, информационной, эпохи [Тоффлер, 2003], сегодня уже не нуждается в доказательствах.

Особое значение «информационное измерение» содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста. Оно определяется как минимум двумя взаимосвязанными группами причин. Во-первых, известные возрастные задачи развития (расширение круга общения и взаимодействия, активный поиск референтных групп, различные линии конструирования социальной идентичности) определяют ведущее значение коммуникативной составляющей на данном этапе, в том числе и в ее

«новых ипостасях». Во-вторых, представляется, что именно данный возраст становится «проводником» норм и правил взаимодействия информационной эпохи в другие возрастные страты.

Изучение информационной социализации на данном возрастном этапе предполагает как минимум две основные линии анализа. Прежде всего, это изучение информационной среды как нового ресурса социального развития, то есть анализ влияния новых информационных технологий на процесс подростковой социализации в целом. Во-вторых (и это представляется более интересным), изучение трансформаций основных социализационных процессов при условии их протекания в виртуальной среде, то есть анализ изменений параметров социального развития подростка, взятых исключительно в своей виртуальной представленности. При условии объединения эти два направления представляют, по сути, тезис о том, что новые информационные технологии являются сегодня одновременно и средством, и средой социального развития личности в подростковом и юношеском возрасте.

Хотя изменение современного информационного пространства происходит, очевидно, не только за счет развития новых информационных технологий, свое дальнейшее изложение мы ограничим анализом роли интернет-коммуникации в ходе социализации и – более узко – роли общения и взаимодействия подростка в социальных сетях.

Особенности пользования социальными сетями в подростковом и юношеском возрасте

Что же на сегодняшний день из известных фактов имеет максимальное значение для анализа информационной социализации подростка? Каковы объективно основные тренды подросткового пользования?

Прежде всего отметим, что, несмотря на более позднее по сравнению с западными странами включение в процесс информатизации, Россия повторяет многие мировые тренды. В первую очередь это касается количественных показателей активного пользования, а именно – рост числа активных пользователей Сети идет по экспоненте и в основном происходит за счет пользователей подростково-юношеского возраста. Так, по данным Минкомсвязи РФ на начало 2012 года, общее число пользователей в нашей стране составило 70 млн человек, и по этому показателю Россия вышла на первое место в Европе и на шестое место в мире. При этом процент пользования в подростковом и юношеском возрасте для российской выборки неуклонно растет: если в 2008 году, по данным Фонда общественного мнения, он составлял чуть более 70% [ФОМ, 2008], то к концу 2012-го исследование на репрезентативной выборке, включавшей подростков больших и малых городов, показало, что уже 93% жителей России в возрасте от 10 до 17 лет активно используют различные интернет-сервисы [Цымбаленко и др., 2012]. Иными словами, можно говорить о практически повсеместной включенности подростков в интернет-коммуникацию.

Эти количественные показатели во многом связаны с развитием коммуникации в социальных сетях. После начала мирового бума социальных сетей в 2003–2004 гг. рост пользования ими близок к экспоненте, при этом начиная с 2009 года по степени включенности в данный процесс Россия обгоняет остальной мир: в различных социальных сетях сегодня зарегистрированы 82% пользователей Рунета, из которых четверть составляют дети до 14 лет [там же].

Отмечается также совпадение и других трендов активного пользования. Так, за последние пятнадцать лет во всем мире происходит постоянное снижение возраста «компьютерной инициации», причем резкий скачок в этом снижении связывается опять же с развитием социальных сетей [Boyd, Ellison, 2007]. Для российских подростков эта тенденция сохраняется: если те, которым сегодня 17–18 лет, впервые стали пользователями тех или иных социальных сетей, когда им в среднем было почти 14 лет, то сегодняшние четырнадцатилетние – в возрасте до 10 лет. Интересно, что российская аудитория социальных сетей растет при этом в основном за счет регионов. Если на начало 2000-х гг. характерным был «цифровой разрыв» между Москвой, Санкт-Петербургом и другими регионами нашей страны, то сегодня 86% новых пользователей (в основном подросткового и юношеского возраста) живут за пределами двух столиц. Иными словами, налицо не только все больший охват социально-сетевым использованием все более юных слоев населения, но и преодоление в сфере информационной социализации «цифрового» основания возможного социального неравенства

подростково-молодежной когорты, которое прогнозировалось еще недавно [Бондаренко, 2003; Белинская, 2002].

Также Россия повторяет и два других мировых тренда сетевого пользования. Во-первых, это увеличение процента «женского населения» социальных сетей – за последние десять лет с 15–20% до 40–50%, который опять же в значительной степени происходит за счет пользователей-подростков [Цымбаленко, 2006; Цымбаленко и др., 2012]. Во-вторых, – увеличение времени пользования ими в системе всех видов деятельности подростка (не только досуговой, но и познавательной, учебной, профессиональной), что, в свою очередь, в определенной степени объясняет факт все большего доверия к Интернету как СМИ в подростковой среде по сравнению с традиционными источниками информации. Подчеркнем, что именно последний сюжет является предметом множественных спекулятивных рассуждений и мифологизаций: до сих пор достаточно распространенным является мнение о том, что подростка в Сети интересует лишь игровой контент и/или сайты асоциальной направленности. Между тем последнее отечественное масштабное исследование подросткового пользования опровергло представление о том, что дети и подростки используют социальные сети исключительно для того, чтобы почитать и посмотреть ссылки о сексе, насилии и вредных привычках [Цымбаленко и др., 2012], – более 80% опрошенных демонстрируют запрос на принципиально иной контент. Заметим, тот факт, что Интернет становится все более доминирующим и вызывающим наибольшее доверие средством получения информации для подростков независимо от их места проживания, ценностей и интересов, подтверждается и в менее масштабных психологических исследованиях [Голубева, Марцинковская, 2011; Костяк, 2012].

Наконец, еще одной «точкой совпадения» мировых и отечественных тенденций в развитии социальных сетей является тот факт, что их пространство постепенно становится самостоятельным фактором социальной стратификации, и подростково-юношеская когорта пользователей не является исключением. Исследования, эмпирически подтверждающие это, еще очень немногочисленны за рубежом [Gavin et al., 2007; Boyd, Ellison, 2007] и практически отсутствуют в нашей стране, но наличие у тех или иных популярных социальных сетей определенного «социального типажа» пользователя уже активно используется в повседневных социальных практиках (например, при приеме на работу). Косвенным доказательством того, что социальные сети становятся самостоятельным фактором социальной динамики для подросткового возраста, является, в частности, отмечающаяся западными исследователями тенденция постоянного сдвига предпочтений пользования данной возрастной когорты. Так, например, отмечается, что рост популярности Facebook у старшего («родительского») поколения вызвал последующий отток из этой социальной сети пользователей подросткового возраста и перемещение их в MySpace; степень популярности Twitter у более юных когорт также связывается с их желанием сегрегации от пользователей более старшего возраста [Leung, 2007; Valkenburg, 2007].

Пожалуй, наиболее яркие различия в параметрах зарубежного и отечественного юношеского пользования социальными сетями наблюдаются лишь в содержании рефлекслируемых рисков. Так, если в мире в качестве таковых отмечаются опасения в нарушении конфиденциальности личных данных, невозможность защитить свой профиль от спама, формирование негативного имиджа и риск возникновения интернет-зависимости [Boyd, Ellison, 2007], то российские подростки опасаются другого: вытеснения реального общения за счет коммуникации в социальных сетях, неспособности справиться с избыточной информацией и непродуктивной потери времени [ФОМ, 2008].

Возможные социально-психологические следствия

Представляется, что новое информационное пространство подростковой социализации влечет за собой определенные изменения в ее содержании.

Во-первых, это изменения в процессах восприятия и категоризации социальной информации: закономерное при активном интернет-пользовании доминирование аудиовизуального канала и опыта «клипового мышления» приводит к снижению рефлексивности, в результате чего ведущей составляющей представлений о социальном мире становится образ. Интересно, однако, что это, достаточно очевидное с теоретической точки зрения, утверждение (различные способы получения опыта влияют на специфику познавательных процессов) до сих пор не имеет развернутой

эмпирической доказательной базы. Как отмечается, исследования трансформаций когнитивных процессов при условии активной интернет-коммуникации дают весьма противоречивые результаты, хотя тезис о «перцептивно-интеллектуальных» особенностях детей, взрослеющих в информационную эпоху, усердно тиражируется СМИ и внедряется в общественное сознание. Интересный обзор этих исследований, а также возможных причин социальной востребованности представлений о принципиальной инаковости детей компьютерной эпохи (так называемых digital natives) можно найти в работе Г.В.Шуковой. Подытоживая ряд зарубежных исследований этого вопроса, она отмечает, что изменения в восприятии и усвоении информации у современных подростков по сравнению с предшествующими поколениями существуют, но степень их всеобщности и радикальности эмпирически не подтверждается [Шукова, 2013] – в том числе, и в силу еще крайне немногочисленных попыток изучения.

Вторым (и, заметим сразу, более эмпирически «освоенным») направлением возможной содержательной динамики социализации в информационную эпоху является трансформация коммуникативного опыта подростка. Исследования специфики интернет-коммуникации уже традиционно доминируют в психологических работах, составляя основную часть всей «психологии Интернета» [Войскунский, 2010]. За более чем десятилетие изучения определены основные специфические параметры виртуального общения, психологические особенности его активных участников, особенности формирования образа партнера по коммуникации, своеобразии норм взаимодействия при использовании различных сервисов. Подчеркнем, что, как и в первом случае, эмпирические данные отличает достаточная противоречивость. Так, например, согласно одной точке зрения, при сетевой коммуникации люди обращают меньшее внимание на соблюдение социальных норм (в силу определенной анонимности и физической непредставленности партнера), что делает такое общение менее формальным [Birnie, 2002]. В соответствии с другой позицией, стремясь уменьшить неопределенность сетевой коммуникации, пользователи активно выступают за соблюдение социальных норм и не только строят поведение более нормативно, но и опираются при этом преимущественно на свою социальную идентичность [Postmes, 2001]. Аналогичная противоречивость наблюдается и в результатах, касающихся содержательной стороны норм сетевой коммуникации. Так, отмечающаяся норма взаимопомощи (преобладание кооперации, демонстрация согласия, дружелюбие и возможность повышения пользователем своего сетевого статуса за счет подобного коммуникативного поведения) сочетается с проявлениями агрессии в коммуникации [Кузнецова, Чудова, 2008]. Заметим, что интерпретационная рамка и для первых, и для вторых результатов практически одинакова – и в том, и в другом случае они могут быть объяснены высокой степенью неопределенности интернет-коммуникации и, вследствие этого, неопределенностью границ «Я» любого пользователя. Но подчеркнем, что, несмотря на неоднозначность эмпирики, сегодня тезис о наличии нового коммуникативного опыта у активного пользователя не оспаривается, а очевидные особенности интернет-коммуникации привели к тому, что «компьютерный» язык рассматривается как особый вид дискурсивной практики, порождающий возникновение и использование новых норм коммуникации [Войскунский, 2010; Белинская, 2011].

Третьим возможным вектором информационной социализации подростка, имеющим содержательное значение, представляется динамика сферы самосознания. Начиная с самых первых работ в области психологии Интернета, вопрос о динамике представлений человека о себе в контексте виртуального общения и взаимодействия является одной из исследовательских «констант» [Белинская, Жичкина, 2000; Gavin, 2007; Marcus et al., 2006]. Как и в первом случае, в основе популярности темы лежит достаточно закономерное теоретическое предположение. А именно – представляется очевидным, что расширенные возможности ролевого экспериментирования (например, посредством компьютерных сетевых игр) и увеличение количества максимально управляемых самопрезентаций (через создание личных профилей и страниц в блогах и социальных сетях) могут задавать пользователю как новые основания для самокатегоризации, так и новые причины для Я-изменений. Однако и в данном случае имеющаяся на сегодняшний день эмпирическая картина далеко неоднозначна [Войскунский, 2010; Белинская, 2012; Костяк, 2012; Волхонский и др., 2006].

Представляется, что в значительной степени противоречивость данных относительно возможных психологических и социально-психологических следствий информационной социализации определяется фактом исходной дихотомии в формулировке исследовательских позиций. С нашей точки зрения, весь их современный спектр сводится к двум типам предположений. Заметим, в основе данного разделения лежит различное, аксиологическое в своей основе, понимание соотношения

реальности и виртуальности [Войскунский, Селисская, 2005], а именно: с некоторой долей условности их можно было бы обозначить как гипотезы дефицитарности и гипотезы комплементарности.

В основе первого типа гипотез лежит общее предположение о том, что реальность интернет-коммуникации в силу своих объективных, технологических особенностей восполняет некоторые «дефициты» современного человека и позволяет удовлетворить ряд потребностей, которые сегодня фрустрированы объективной социальной реальностью. Таковых потребностей выделяется, как правило, три: 1) потребность в стимуляции (ярким примером опоры на нее при формулировке исследовательских гипотез может служить когнитивно-бихевиоральная модель компьютерной зависимости Р.Дэвиса); 2) потребность в поиске новых ощущений и 3) потребность в безопасности (соответствующий пример – модель деиндивидуализации Т.Постмеса). При этом способ удовлетворения этих потребностей в интернет-коммуникации оценивается как компенсаторный, и, соответственно, подобная оценка переносится на другие возможные психологические и социально-психологические аспекты активного пользования [Тхостов, Сурнов, 2005], вплоть до максимально широких обобщений [Данилов, 2012].

В основе же второго типа гипотез – гипотез комплементарности – лежит предположение о том, что реальность интернет-коммуникации не столько компенсирует для человека различные «дефициты» социальной реальности, сколько предоставляет ему принципиально новые возможности, позволяя как бы «достраивать» те или иные личностные атрибуты. Эти гипотезы, заметим, менее многочисленны и менее представлены в конкретных исследованиях. В целом выделяется два их типа: апеллирующие к потребностно-мотивационной сфере личности (условно говоря, «гипотезы расширения потенциала») и обращающиеся к сфере самосознания («гипотезы самоконструирования»). С точки зрения первых интернет-коммуникация предоставляет человеку настолько новые возможности в плане динамики потребностно-мотивационной сферы, что сопутствующие, например, феномену интернет-аддикции поглощенность деятельностью, высокую познавательную активность и готовность к преодолению возникающих проблем можно трактовать как имеющие ту же природу, что и опыт «потока», и рассматривать, например, компьютерные зависимости уже не как патопсихологический феномен, а как новую мотивацию познавательной деятельности [Бабаева, Войскунский, Смыслова, 2000; Войскунский, 2004; Войскунский, 2010]. Вторая трактовка в аналогичном «конструктивном» ключе связана с опорой в анализе интернет-коммуникации на теории идентичности. С этой точки зрения интернет-среда рассматривается, прежде всего, как практически неограниченная возможность экспериментировать с собственным Я, создавать «виртуальные личности» и сетевые идентичности. Интернет-зависимость в данном случае также перестает выступать как чисто клинический факт, превращаясь в процесс самоконструирования человека информационной эпохи, пусть и взятый в своем «пределном» значении [Белинская, 2009; Matsuba, 2006].

Однако при использовании любой теоретической модели по-прежнему нерешенными остаются следующие важные вопросы информационной подростково-юношеской социализации, особенно в ситуации активного использования социальных сетей.

1. Как отражается опыт социально-сетевой коммуникации на содержательной стороне общения подростков в реальности?
2. Как связано активное социально-сетевое пользование с показателями психологического благополучия подростков?
3. Какую роль играет активное социально-сетевое пользование в структуре совладающего поведения подростков с жизненными трудностями?

Эти вопросы определили содержание эмпирического исследования, часть результатов которого будет представлена ниже.

Эмпирическое исследование

Цель исследования: поиск связей характера пользования социальными сетями и психологического благополучия в подростковом и юношеском возрасте.

Методы

Выборка

Исследование проходило в трех городах РФ (Москве, Екатеринбурге, Якутске) в декабре 2012 – марте 2013 года. Респондентами являлись школьники 10–11-х классов и студенты 1-х курсов гуманитарных и естественно-научных факультетов различных вузов; всего 487 человек. Выборка в целом сбалансирована по полу; количество студентов по всем городам преобладало над школьниками (2/3 и 1/3); средний возраст респондентов составил 17,5 лет. В среднем около 60% респондентов постоянно проживают в этих городах (для Москвы данный показатель превышает 75%), остальные приехали из небольших городов и поселков городского типа в целях получения образования. Характеристика семейной ситуации: более половины респондентов имеют сиблингов; более 70% живут в полной семье, в которой в подавляющем большинстве случаев мать и отец работают полный рабочий день. Выявленные различия характерны только для места проживания: если около 90% респондентов Москвы живут вместе с родителями в собственном жилье, то доля таковых в Екатеринбурге меньше 50%, а в Якутске – лишь 15% (остальные проживают в интернатах, общежитиях и снимают жилье).

Методики

Заполняемая респондентами анкета содержала в себе следующие блоки вопросов:

- 1) вопросы, касающиеся характеристик пользования социальными сетями Интернета (количество времени, проводимого в социальных сетях; количество друзей в социальных сетях и частота контактов с ними; опыт переживания одиночества в социальных сетях и кибербуллинга, опыт реального взаимодействия с виртуальными друзьями);
- 2) вопросы, направленные на выяснение показателей психологического благополучия (субъективная оценка своего физического состояния; самооценка в значимых сферах межличностных отношений, включающая в себя характеристики общения с друзьями; опыт одиночества и моббинга; общая оценка своей жизненной ситуации и желания изменений);
- 3) вопросы, направленные на оценку субъективно стрессовых событий в течение недавнего времени и выявление стратегий совладания с ними (поиск социальной поддержки, поиск решения проблемы, конфронтация, избегание, дистанцирование);
- 4) вопросы социально-демографического характера (место проживания, состав семьи, трудовая занятость родителей и т.п.).

Результаты

В том, что касается оценки общего количества времени, проводимого нашими респондентами в социальных сетях, не было обнаружено ни региональных, ни половых, ни возрастных значимых различий – более 75% опрошенных (старшеклассники и студенты, юноши и девушки, жители Москвы, Екатеринбурга и Якутска) в среднем тратили в сутки на различные виды коммуникации в социальных сетях около четырех часов. Основными видами деятельности при этом выступали переписка с друзьями и перепост различных сообщений, преимущественно музыкальных файлов и фотографий. Общей тенденцией являлось увеличение пользовательского времени в выходные дни по сравнению с буднями. Фактически это подтверждает данные о массовом пользовании социальными сетями в старшем подростковом и юношеском возрасте (по последним данным, аудитория 17-летних является доминирующей в этом виде интернет-коммуникации), а также об увеличении доли этого вида деятельности в общей структуре досуга. Интересно, что смена института социализации (школа / вуз) на это не влияет. Также этот показатель не связан с какими бы то ни было показателями психологического благополучия подростков.

Большинство опрошенных отмечают, что общее количество их друзей по социальным сетям колеблется в диапазоне от 100 до 400 человек. При этом наблюдаются региональные различия: так, по

сравнению с респондентами Москвы и Екатеринбурга жители Якутска значимо чаще утверждают, что их количество друзей в социальных сетях превышает 500 человек (крайнее значение по предложенной шкале). Интересно, что около половины выборки, вне зависимости от места проживания и практически вне зависимости от пола (девушки лишь чуть чаще, нежели юноши), предпринимали попытки встреч в реальной коммуникации с теми, с кем познакомились в социальных сетях, причем в трети случаев это были люди более старшего возраста, нежели они сами. При этом частота попыток включения в свою реальную коммуникацию друзей по социальным сетям более выражена для «крайних» подгрупп респондентов: тех, которые отмечают у себя или максимальное или минимальное количество виртуальных друзей. Однако, несмотря на разветвленную сеть виртуальных друзей и включение части из них в реальную коммуникацию, определенное количество опрошенных отмечает у себя наличие чувства одиночества онлайн: очень часто и часто его испытывают 18% юных москвичей и 25% якутян (более благополучными выглядят екатеринбуржцы – всего 5%).

В реальной коммуникации наличие у себя большого количества друзей (более шести человек – крайняя позиция по предложенной шкале) отмечают 48% юных москвичей, 40% екатеринбуржцев и 55% якутян, но при этом лишь треть опрошенных видятся с ними каждый день, а более 20% респондентов общаются реже 1 раза в неделю. Интересно, что в этом плане москвичи выглядят более благополучными, чем их сверстники из других городов: в среднем они общаются со своими реальными друзьями в 2 раза чаще. Корреляционный анализ характера встреч с друзьями в реальной коммуникации и в пространстве социальных сетей показывает наличие выраженной положительной связи по всей выборке для крайних подгрупп («активно» и «пассивно» коммуницирующих). Иными словами, те, кто видится с реальными друзьями каждый день, также каждый день активно взаимодействует с друзьями в социальных сетях, а те, кто редко видится с друзьями в жизни, в социальных сетях начинают общаться чаще. Эта зависимость несколько более выражена для юношей, нежели девушек, но не связана со сменой института социализации (школа / вуз).

Достаточно ожидаемым является тот факт, что чувство одиночества в реальной коммуникации наши респонденты переживают значимо чаще, нежели при общении в социальных сетях. Так, никогда не испытывали его только 32% респондентов Москвы (соответствующий показатель для виртуальной коммуникации – 50%), 29% опрошенных в Екатеринбурге (соответственно для сетевого общения – 58%) и 22% живущих в Якутске (соответственно в сетевой коммуникации – 32%). Но при большей выраженности «реального» одиночества в целом переживание одиночества офлайн и онлайн связаны друг с другом, причем для респондентов Якутска это более выражено, нежели для опрошенных в Москве и Екатеринбурге (как для юношей / девушек, так и для школьников / студентов).

Так как одной из активно обсуждаемых проблем юношеской интернет-коммуникации является кибербуллинг (агрессия, издевательства и преследования онлайн, в том числе – в пространстве социальных сетей), то часть вопросов была посвящена этому. Оказалось, что (и этот факт противоречит ряду других исследовательских данных) подавляющая часть опрошенных утверждает, что никогда не сталкивалась с направленными на них издевательствами при сетевой коммуникации (82% в Москве, 89% в Екатеринбурге и 65% в Якутске), причем в сравнении с реальной коммуникацией этот показатель был значимо выше. Иными словами, в обычном повседневном общении различного рода издевательства над собой (моббинг) отмечают подростками чаще и беспокоят их сильнее. Это в максимальной степени выражено для респондентов Якутска: в отличие от остальных опрошенных юные якутяне отмечают факты издевательства над собой в реальной коммуникации довольно часто (более 20% – 1 раз в неделю). Интересно, что переживание негативных чувств и в реальной, и в виртуальной коммуникации (в частности, одиночества) не имеет корреляционной связи с количеством отмечаемых фактов кибербуллинга и моббинга.

В выше описанных результатах уже присутствовали некоторые показатели, которые исходно были отнесены к параметрам психологического благополучия. Остановимся кратко на остальных.

С точки зрения самооценки своего физического состояния, как и следовало ожидать исходя из возрастных особенностей, респонденты в целом достаточно оптимистичны: так, более половины из них оценивают его как «хорошее» и «очень хорошее» (несколько отличаются в сторону снижения самооценки юные якутян). При этом большая часть отмечает определенную недостаточность своих занятий спортом и других видов физической активности, а также недостаточность ночного сна: так,

«никогда не высыпается» треть опрошенных (для Якутска, подростки которого занимаются спортом чаще, чем москвичи и екатеринбуржцы, этот показатель значимо выше). Отметим, что эти показатели не связаны с характером пользования социальными сетями ни для одной из подвыборок.

Интересны также региональные различия самооценок учебных достижений, а также их связи с оценками со стороны других взрослых (родителей и преподавателей). Если респонденты Москвы и Екатеринбурга в целом достаточно высоко оценивают качество своей учебы (как «отличную» и «хорошую» их определяют более половины опрошенных), то в Якутске таких менее трети, причем эта более низкая самооценка не связана (в отличие от подростков Москвы и Екатеринбурга) с предполагаемыми оценками со стороны других. Подобные тенденции практически не зависят от пола респондентов, не связаны с переменной института социализации и в наибольшей степени характерны для «крайних» подгрупп с точки зрения особенностей коммуникации.

Закономерными на этом фоне выглядят и различия в субъективных оценках своей жизненной ситуации в целом: если для респондентов Москвы и Екатеринбурга они выражено сдвинуты в область высоких значений, то для опрошенных в Якутске преобладают средние показатели. Интересно, что, несмотря на традиционно приписываемую данному возрасту открытость к новому опыту, большая часть нашей выборки отмечает отсутствие желания каких-либо изменений в своей жизни, причем если для Москвы и Екатеринбурга эта тенденция связана с уровнем оценки своей жизненной ситуации, то для Якутска – нет.

Обсуждение

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие значимых различий в количественных показателях пользования социальными сетями по опрошенной выборке. Тот факт, что, независимо от пола и места проживания, а также от перехода из школы в вуз, пользователи подростково-юношеского возраста имеют схожие показатели по количеству времени, проводимого в социальных сетях, свидетельствует о том, что виртуальная коммуникация стала повсеместным атрибутом их социализации. Заметим, что, как уже отмечалось выше, это подтверждается и данными других, более масштабных исследований пользования Интернетом современными подростками.

Факт положительной связи качественных показателей виртуального и реального общения для «активно» и «пассивно» коммуницирующих свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что выделенные выше два способа интерпретации интернет-коммуникации («компенсаторный» и «комплементарный») в равной степени имеют право на существование: так, для более «активных» виртуальная коммуникация предоставляет новые возможности, а для «пассивных» – позволяет компенсировать реальный коммуникативный дефицит. Отметим, что стремление продолжить общение в реальности с друзьями, появившимися онлайн, при этом преимущественно старше себя по возрасту, косвенно подтверждает специфику воспринимаемых рисков виртуальной коммуникации российскими подростками: в отличие от своих зарубежных сверстников они, очевидно, не считают подобное поведение рискованным.

В отличие от достаточно распространенной точки зрения о наличии агрессивного и издевательского взаимодействия при онлайн-коммуникации, представляющего угрозу для подростков, ответы наших респондентов этого не подтверждают. С одной стороны, данный результат может быть следствием недостаточно корректной формулировки самих вопросов анкеты, однако этому противоречит наличие ответов на аналогичные вопросы, касающиеся издевательств в реальной коммуникации. Можно было бы считать его доказательством определенной переоценки данной угрозы со стороны исследователей: будучи однозначно более «выпуклыми», нежели факты сотрудничества и кооперации, факты виртуальной агрессии просто привлекают к себе большее внимание. Однако подобной интерпретации противостоит, с нашей точки зрения, следующее соображение. Оценивая пространство социальных сетей в целом более благоприятно, чем пространство реальной коммуникации (имея там больше друзей, чаще общаясь с ними, используя его как ресурс для установления новых дружеских связей и реже испытывая в нем чувство одиночества), подростки одновременно недооценивают агрессивное поведение онлайн для сохранения непротиворечивости своего образа сетевого общения. В определенной степени это подтверждается и данными о более выраженном переживании межличностных конфликтов в реальной коммуникации по сравнению с виртуальным конфликтным

взаимодействием [Hobman, 2002].

Достаточно часто отмечаемое нашими респондентами чувство одиночества, особенно в режиме реального общения, очевидно, стоит отнести к возрастным особенностям, а факт снижения этого переживания при пользовании социальными сетями – к уже отмечавшимся компенсаторным возможностям этого вида коммуникации, имеющим ряд эмпирических подтверждений в зарубежных исследованиях [Huang, 2006; Leung, 2007].

Неожиданными и затруднительными для интерпретации оказались региональные различия в части показателей психологического благополучия и коммуникации в социальных сетях. В целом разница в результатах между Москвой и Екатеринбургом, с одной стороны, и Якутском – с другой представляется достаточно логичной: ниже оценивая качество своей жизни, демонстрируя заниженную самооценку, чаще испытывая одиночество и отмечая негативное к себе отношение, юные якутяне используют социальные сети как возможность более активной и комфортной коммуникации. Однако сам факт этих региональных различий требует, с нашей точки зрения, не только возможного указания на их социокультурные причины, но и более глубокого изучения.

Выводы

1. Активное включение современных подростков в информационное пространство, прежде всего – в процесс коммуникации в социальных сетях Интернета, нивелирует часть традиционных особенностей социализации данного возраста, определяемых полом, местом проживания и сменой института социализации.
2. Для большинства пользователей подросткового и юношеского возраста характеристики коммуникации в социальных сетях совпадают с аналогичными характеристиками реального общения, что позволяет говорить об усиливающейся взаимосвязи процессов виртуальной и реальной коммуникации в данном возрасте.
3. Большая часть исследованных параметров психологического благополучия подростков не связана с особенностями коммуникации в социальных сетях; исключение составляют переживание одиночества и частота дружеского общения.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 13-0600272а «Социальное и информационное пространство: взаимосвязь и взаимодействие»

Литература

Авдулова Т.П. Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений. Психологические исследования, 2011, 6(20), 8. <http://psystudy.ru>

Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность. В кн.: А.Е. Войскунский (Ред.), Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000. С. 11–39.

Бондаренко С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2003. <http://psynet.carfax.ru/texts/bondarenko7/htm>

Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. В кн.: Образование и информационная культура. М.: Центр социологии образования, 2000. С. 395–431.

Белинская Е.П. Человек в информационном мире. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С 203–220.

Белинская Е.П. Взаимосвязь интернет-зависимости и стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями. В кн.: А.Е. Войкунский (Ред.), Интернет-зависимость. Психологическая природа и динамика развития. М.: Акрополь, 2009.

Белинская Е.П. Язык интернет-коммуникации и социолингвистическая ситуация современности. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2011, 10(1), 5–11.

Белинская Е.П. Я-для-себя или Я-для-Других: юношеские дневники эпохи «перепостмодерна». Дети в информационном обществе, 2012, No. 9, 44–49.

Войкунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета. Психологический журнал, 2004, 25(1), 90–100.

Войкунский А.Е., Селисская М.А. Система реальностей: психология и технология. Вопросы философии, 2005, No. 11, 119–130.

Войкунский А.Е. От психологии компьютеризации к психологии Интернета. Вестник Московского университета, Сер. 14, Психология, 2008, No. 2, 140–153.

Войкунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.

Волхонский В.Л., Зайцева Ю.Е., Соколова М.М. (Ред.). Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход. Психологические исследования, 2011, 6(20), 2. <http://psystudy.ru>

Данилов С.А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи. Известия Саратовского университета, Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2012, 12(2), 40–47.

Костяк Т.В. Личностные факторы информационной социализации молодежи. Психологические исследования, 2012, 5(26), 8. <http://psystudy.ru>

Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков. Мир психологии, 2010, No. 3, 90–102.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. Психологические исследования, 2012, 5(26), 7. <http://psystudy.ru>

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Изд-во АСТ, 2003.

Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации. Психологический журнал, 2005, 26(6), 16–24.

Шукова Г.В. Интенсивность цифрового опыта и возрастные особенности когнитивных процессов. Психологические исследования, 2013, 6(27), 6. <http://psystudy.ru>

Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Майорова-Щеглова С.А., Макеев П.Л. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования. М., 2012. <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/20132>

Фонд «Общественное Мнение». Подростки и интернет. Результаты опроса подростков в возрасте от

14 до 17 лет. 2008. <http://bd.fom.ru/pdf/podinte0801.pdf>

Birnie S.A. Psychological predictors of Internet social communication. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2002, 7(4).

Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, 13(1), 210–230.

Gavin J. Drawing the Net : Internet identification, Internet use, and the image of Internet users. *Cyberpsychology and Behavior*, 2007, 10(3), 478–481.

Hobman E.V. The expression of conflict in computer-mediated and face-to-face groups. *Small Group Research*, 2002, 33(4), 439–465.

Huang Y.R. Identity and intimacy crises and their relationship to Internet dependence among college students. *Cyberpsychology and Behavior*, 2006, 9(5), 571–576.

Leung L. Stressful life events, motives for Internet use, and social support among digital kids. *Cyberpsychology and Behavior*, 2007, 10(2), 205–214.

Marcus B., Machilek P., Schultz A. Personality in cyberspace: personal Web sites as media for personality expressions and impressions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 90(6), 1014–1031.

Matsuba M.K. Searching for self and relationships online. *Cyberpsychology and Behavior*, 2006, 9(3), 275–284.

Postmes T. Social influence in computer-mediated communication: the effects of anonymity on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001, 27(10), 1243–1254.

Valkenburg P.M., Peter J. Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends. *Developmental Psychology*, 2007, 43(2), 267–277.

Поступила в редакцию 3 июля 2013 г. Дата публикации: 19 августа 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования*, 2013, 6(30), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6, № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html>

[К началу страницы >>](#)